

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ И ТОЛКОВАНИЯ
ПРИНЦИПОВ ПРАВА НАРОДОВ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ И
ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ ГОСУДАРСТВ**

ФИЛАТОВ Михаил Станиславович, аспирант Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, адрес: Россия, пр-т Вернадского, д. 82, e-mail: mix98vvv@gmail.com

Аннотация. Рассмотрены противоположные позиции стран по вопросу применения принципов права народов на самоопределение и территориальной целостности государств. Цель статьи – доказать, что позиции, занимаемые странами, обусловлены не международно-правовыми нормами или обычаем, а политической необходимостью. *Методы исследования:* сравнительный, исторический, системный методы и контент-анализ документов. Основными результатами работы являются следующие положения. Ситуация с отделением Косова от Сербии, признание независимости Косова рядом государств был первым прецедентом в применении принципов права народов на самоопределение. Тогда в первую очередь страны Запада приняли нетипичную для них позицию отрицания нерушимости границ государства Сербия. С другой стороны, для этих же стран характерно устойчивое непризнание и игнорирование деклараций независимости Приднестровья, Южной Осетии и Абхазии.

По результатам исследования автор пришел к выводу, что в ситуации с Косовом западные страны создали прецедент, обнаживший их противоречащую международному праву политику, допускающую вольную политическую интерпретацию международных принципов права народов на самоопределение и территориальной целостности государств. Они показали, что готовы отступать от предсказуемых и юридически корректных толкований рассматриваемых принципов под влиянием текущей политической необходимости.

Ключевые слова: международные отношения, территориальная целостность, самоопределение, принцип территориальной целостности, Россия, Косово, Приднестровье, Южная Осетия, Абхазия, Крым.

Цит.: Филатов М.С. Политическая практика применения и толкования принципов права народов на самоопределение и территориальной целостности государств // Среднерусский вестник общественных наук. – 2022. – Том 17. – № 6. – С. 67-86

***POLITICAL PRACTICE OF APPLICATION AND INTERPRETATION OF
THE PRINCIPLES OF THE PEOPLES' RIGHT TO SELF-DETERMINATION
AND TERRITORIAL INTEGRITY OF STATES***

FILATOV M. S., Postgraduate student of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Moscow), e-mail: mix98vvv@gmail.com

Abstract. The opposing positions of countries on the application of the principles of the peoples' right to self-determination and the territorial integrity of states are considered. The purpose of the article is to prove that the positions taken by countries are not determined by international legal norms or a custom, but by political necessity. Research methods: comparative, historical, systematic methods and content analysis of documents. The main results of the work are the following provisions. The situation with the secession of Kosovo from Serbia, the recognition of Kosovo's independence by a number of states was the first precedent in the application of the principles of the peoples' right to self-determination. Then, first of all, the Western countries adopted an atypical position for them to deny the inviolability of the borders of the state of Serbia. On the other hand, these same countries are characterized by persistent non-recognition and disregard for the independence declarations of Pridnestrovia, South Ossetia and Abkhazia. According to the results of the study, the author came to the following conclusion. Research results. The author proved that in the situation with Kosovo, the countries of the West made a strategic mistake in the political interpretation of the principles of the peoples' right to self-determination and territorial integrity of states. This bloc of states has shown that in practice it is ready to deviate from predictable and legally correct interpretations of the principles under consideration, moreover, under the influence of political expediency.

Keywords: international relations, territorial integrity, self-determination, principle of territorial integrity, Russia, Kosovo, Pridnestrovia, South Ossetia, Abkhazia, Crimea.

For citations: Filatov, M.S. (2022) Political practice of application and interpretation of the principles of the peoples' right to self-determination and territorial integrity of states // Central Russian Journal of Social Sciences. – Volume 17, Issue 6. – P.67-86.

ВВЕДЕНИЕ

Растущее количество непризнанных государств, возникновение новых и возгорание старых международных конфликтов, отсутствие согласия между государствами по единому толкованию основополагающих принципов международного права – вот с чем мир столкнулся ещё в XX веке. Актуальность статьи заключается в том, что ситуация не изменилась по сегодняшний день. Принципы права народов на самоопределение и территориальной целостности государств сталкиваются не столько на правовом поле, сколько на политическом. Принципы применяются в угоду политической необходимости, а их толкование основывается не на международно-правовых нормах и обычаях, а диктуется интересами отдельных стран.

Исследователи, занимающиеся проблемой соотношения принципов права народов на самоопределение и территориальной целостности государств, как правило, рассматривают эту проблему в ином ключе. Они выделяют три варианта соотношения принципов: право на самоопределение превалирует над территориальной целостностью; территориальная целостность превалирует над правом на самоопределение; ни один из принципов не превалирует над другим. Об этом свидетельствуют труды А. А. Хасанова, А. Я. Капустина, П. Джоффе, М. В. Кусайкиной, А. И. Чертаковой, М. И. Никаноровой и других авторов [5, С. 40–45; 6, С. 102–105; 7, С. 143–146; 9, С. 133–142; 10, С. 1–12]. Также разные учёные в своих работах придерживаются различных парадигм международных отношений, что, безусловно, влияет на посыл, доносимый авторами. Так, исследователи, придерживающиеся теории либерализма, отстаивают верховенство права народов на самоопределение. Они полагают, что право на самоопределение должно быть предоставлено любой организованной группе людей в ущерб целостности государственных границ. Неореалисты же возлагают излишние надежды на наднациональные организации. Они полагают, что вопросы самоопределения и территориальной целостности являются лишь одной из проблем системы и их могут решить наднациональные институты. Тем не менее последние десятилетия на примере Косова, Украины продемонстрировали несостоятельность международных организаций в вопросах урегулирования конфликтов и споров, а также выявили их необъективную позицию. В данной статье проблема соотношения принципов права народов на самоопределение и территориальной целостности рассматривается с точки зрения теории реализма. Эта теория в наибольшей степени отражает текущую действитель-

ность, в которой среди государств нет единого мнения, а наднациональные образования бездействуют, выступая лишь в качестве удобных площадок или инструментов для организованного общения, но не в роли самостоятельных субъектов.

Цель работы – доказать, что толкование и применение принципов права народов на самоопределение и территориальной целостности государств основывается на политических интересах, а не на международно-правовых нормах и обычаях.

В работе использованы такие методы, как сравнительный, исторический, системный и анализ документов.

Основная часть

Политическое столкновение принципа права народов на самоопределение и принципа территориальной целостности государств нельзя назвать новым явлением. На протяжении всего XX века эта проблема оставалась актуальной и на данный момент остается нерешенной. Трагедия Югославии, неопределённый статус Приднестровья, непризнание большей частью международного сообщества независимости Южной Осетии и Абхазии и присоединение Крыма к России являются свидетельствами юридического несовершенства рассматриваемых принципов. Расплывчатая формулировка и отсутствие единого толкования принципа права народов на самоопределение и принципа территориальной целостности позволяют государствам применять их «по случаю», в зависимости от господствующей политической необходимости.

Государства, занимающие ту или иную сторону в вопросе приоритета принципов международного права, отстаивают, прежде всего, свои политико-экономические интересы. Согласно модели ограниченной рациональности теории принятия политических решений стороны выбирают наиболее рациональную для себя позицию из всех возможных. Проблема признания или непризнания нового государства становится лишь элементарным вопросом комплексной проблемы собственного влияния в регионе [12, С. 84].

Так, Приднестровская Молдавская Республика (ПМР, Приднестровье) является непризнанным государством, расположенным преимущественно на левом берегу Днестра. Единственными государствами, признавшими ПМР, являются Абхазия и Южная Осетия, которые, в свою очередь, также не признаются большей частью международного сообщества. Население Приднестровья составляют этнические молдаване, русские и украинцы в примерно равном соотношении, русский

язык является языком межнационального общения. В Приднестровье проживает более 220 тыс. граждан России [2, С. 136–142].

История Приднестровья в его современном статусе началась в 1990 г., когда на левом берегу Днестра была провозглашена Приднестровская Молдавская Советская Социалистическая Республика. После распада СССР Молдавия была признана независимым государством в границах Молдавской Советской Социалистической Республики, то есть, включая территорию Приднестровья.

Факт осуществления народом Приднестровья права на внешнее самоопределение в условиях невозможности внутреннего самоопределения (прекращение существования СССР) международным сообществом был проигнорирован. В частности, Верховный Совет (тогда ещё) ПМССР принял декларацию независимости, заявив посредством неё о стремлении к самоопределению. Отсутствие возможности внутреннего самоопределения для Приднестровья подтверждается также тем, что принятый Верховным Советом Молдавской ССР Закон «О декларации о независимости» не предоставил Приднестровью никаких возможностей для осуществления самоопределения.

В 1991 г. Европейским сообществом были приняты так называемые критерии для признания новых государств в Восточной Европе и Советском Союзе. Следует отметить, что ПМР обладает всеми необходимыми признаками государственности, а также системой органов государственной власти и управления. Несмотря на осуществление права на самоопределение, территорию, эффективную политическую власть, жизнеспособность и фактическое соответствие иным критериям Европейского сообщества, Приднестровье остаётся непризнанным и странами ЕС, и другими государствами – членами ООН [3, С. 124–129].

Проведение референдума в 2006 г., на котором 97 % населения Приднестровья высказалось за независимость республики, тоже было проигнорировано [1, С. 49–56]. Молдавия также не признает ПМР как государство, считает её частью своей территории.

Молдавия и страны ЕС в вопросе Приднестровья выступают за приоритет принципа территориальной целостности государств в ущерб праву народов на самоопределение, и это вполне объяснимо. Регион, в котором находится Приднестровская Молдавская Республика, располагается на перекрестке геокультурных, транспортных потоков и имеет стратегические выходы к важным в геополитическом отношении Балканам и в зону Черного, Мраморного и Средиземного морей. На территории Приднестровья располагается важный естественный геополитический и потенциально военный рубеж – река Днестр.

Существенным значением для Приднестровья обладают отношения с Российской Федерацией. На территории Приднестровья с миротворческой миссией размещена оперативная группа российских войск, что фактически является для России формой проецирования военной мощи в регионе [4, С. 1–12]. Совокупность факторов свидетельствует о высокой роли России в политической жизни Приднестровья, а также о том, что эта роль была бы несоразмерно больше, будь Приднестровье признанным независимым государством.

В то же время, Российская Федерация не признаёт независимости Приднестровья, что обусловлено её обязательствами страны-гаранта в переговорном формате «5+2». Российские власти всё ещё надеются, что стороны смогут самостоятельно договориться и тогда РФ поддержит принятое ими решение.

Говоря о политической необходимости, хочется отметить, что на это явление влияет совокупность факторов, но основная цель у каждой стороны своя. США и страны Европы всеми силами продвигают политику собственного верховенства над остальным миром. Они стремятся не допустить усиления России, при этом вытягивая ресурсы и из европейских государств. Их политическая необходимость всегда обусловлена их желанием укрепить свои позиции за счёт других стран. Политика же нашей страны, напротив, направлена на укрепление многополярного мира. Российская Федерация активно реагирует на угрозы, отстаивая свой суверенитет и продвигая идеи безопасного сотрудничества.

Далее стоит рассмотреть Косовский прецедент. НАТО вмешалось в военные действия на Балканах в 1999 г. Организация Североатлантического договора провела серию воздушных бомбардировок югославских городов, а территория Косовского края перешла под контроль Организации Объединенных Наций на основании резолюции Совета Безопасности ООН № 1244 от 10 июня 1999 г. На территорию края был также введен воинский контингент НАТО KFOR.

В резолюции № 1244 Совет Безопасности ООН подчеркнул территориальную целостность Югославии и необходимость предоставления автономии и самоуправления для Косова, демилитаризации края. Резолюция также устанавливала основные принципы урегулирования статуса Косова, в частности «политический процесс, направленный на заключение временного политического рамочного соглашения, предусматривающего значительную степень самоуправления для Косово»¹.

¹ Резолюция 1244 (1999) Совета Безопасности ООН от 10 июня 1999 г., S/RES/1244 (1999).

Сербия рассматривает Косово как неотъемлемую часть своей территории [8, С. 275–276]. Косово провозгласило независимость в одностороннем порядке спустя 9 лет – 17 февраля 2008 г. Мнение международного сообщества на этот счет разделилось надвое. Независимость Косова признало 50 % государств – членов ООН и большинство государств НАТО и ЕС. Россия и Китай, два постоянных члена Совета Безопасности ООН, отказались признать независимость Республики Косово. Впоследствии 15 государств отозвали заявления о признании. Правительство Сербии также не признает Косово как суверенное государство.

Российская Федерация выступила против признания независимости Косова, ссылаясь на приоритет нерушимости границ Сербии. Независимость Косова РФ расценивает как нарушение норм международного права и принципов ООН¹. По заявлению Президента Российской Федерации В. В. Путина, одностороннее объявление независимости Косова нарушает принципы международного права (вероятно, Президент РФ имел в виду принцип территориальной целостности государств) [8, С. 275–276]. Однако Франция, Великобритания, США, Австралия, Германия и большая часть западноевропейских государств признали независимость Республики Косово как новообразованного государства.

По предложению Сербии Генеральная Ассамблея ООН направила запрос в Международный суд ООН о правомерности одностороннего провозглашения независимости Косова с точки зрения международного права. 77 государств проголосовали за резолюцию. Шесть стран, включая США и Албанию, выступили против.

Вопрос, на который предстояло ответить Международному суду, согласно резолюции, звучал так: «Соответствует ли одностороннее провозглашение независимости временными институтами самоуправления Косова нормам международного права?»

До 17 апреля 2009 г. государствам-членам было предложено представить суду свои письменные мнения. Международный суд ООН получил мнения 36 стран, 21 из которых признала независимость Косова, а 15 стран выразили свое несогласие².

Представитель Российской Федерации на судебных слушаниях К. Г. Геворгян отметил, что резолюция Совета Безопасности ООН № 1244 обеспечивает территориальную целостность и суверенитет Сербии и остается в силе, и все стороны обязаны соблюдать ее³. Кроме

¹ Kosovo MPs proclaim independence, BBC, 17 February 2008.

² Accordance with international law of the unilateral declaration of independence in respect of Kosovo, Advisory Opinion, ICJ, (2010) ICJ Rep 403.

³ Устав ООН, ст. 25.

того, Россия подчеркнула, что серьезные нарушения прав человека и действительная невозможность внутреннего самоопределения в 1990-е г. не могут являться основанием для внешнего самоопределения спустя 18 лет¹.

Международный суд ООН огласил консультативное заключение по вопросу Косова 22 июля 2010 г. Согласно статуту суда такое заключение не обладает обязательной силой в отношении государств, участвовавших в разбирательстве, однако является наиболее квалифицированным толкованием и изложением правового мнения по тому или иному рассматриваемому вопросу.

Десятью голосами против четырех Международный суд постановил, что декларация независимости Косова не нарушает международное право. Голоса «против» вынесли судьи П. Томка (Словакия), А. Корума (Сьерра-Леоне), Л. А. Скотников (Россия) и М. Беннуна (Марокко). Голоса некоторых судей отличались от позиции страны их гражданства, так как судьи при рассмотрении дела обязаны действовать в личном качестве и не могут получать инструкции от государств.

Вопросы о пределах права на самоопределение и о возможности права на сепарацию как средства правовой защиты (концепция *remedial secession*) не были рассмотрены судом, так как он посчитал, что данные проблемы выходят за рамки заданного ему вопроса².

Международный суд пришел к выводу, что международное обычное право не содержит запрета деклараций независимости³. Декларация независимости Косова не противоречит резолюции Совета Безопасности ООН № 1244, так как, по мнению суда, резолюция не запрещала авторам декларации её издать⁴. Суд постановил, что декларация независимости Косова соответствует и документам миссии ООН в Косово (UNMIK), поскольку декларация не была принята временными органами самоуправления Косова⁵.

¹ Россия поддержала позицию Сербии по Косово в Международном суде. – РИА, 8 декабря 2009 г.

² Accordance with international law of the unilateral declaration of independence in respect of Kosovo, Advisory Opinion, ICJ, (2010) ICJ Rep 403, п. 83.

³ Accordance with international law of the unilateral declaration of independence in respect of Kosovo, Advisory Opinion, ICJ, (2010) ICJ Rep 403, п. 84.

⁴ Accordance with international law of the unilateral declaration of independence in respect of Kosovo, Advisory Opinion, ICJ, (2010) ICJ Rep 403, п. 119.

⁵ Accordance with international law of the unilateral declaration of independence in respect of Kosovo, Advisory Opinion, ICJ, (2010) ICJ Rep 403, п. 121.

Отдельные судьи Международного суда ООН выступили с декларациями и особыми мнениями. По их мнению, суд дал ответ на более узкий вопрос, чем был ему задан¹.

Наконец, судья Л. А. Скотников в своем особом мнении указал, что суду не следовало давать консультативное заключение и брать на себя функции Совета Безопасности в вопросах его компетенции. Л. А. Скотников посчитал, что действия Косово, совершенные за рамками правового режима, установленного для переходного периода, в сущности, являются нарушением этого правового режима. Л. А. Скотников указал, что резолюцию № 1244 невозможно трактовать как разрешающую односторонние декларации независимости в отношении статуса Косова. Отмечалось также, что заданный вопрос выходит за рамки юрисдикции суда и что окончательное решение должно быть утверждено Советом Безопасности ООН².

Казалось, что признание самопровозглашенной независимости Косова фактически разделило международное сообщество на государства, поддерживающие толкование принципов права народов на самоопределение и территориальной целостности государств в существующем положении и согласно Уставу ООН и Декларациям Генеральной Ассамблеи, и на государства, выступающие за пересмотр этих норм³. Последующие события, описанные ниже, а именно реакция на признание Россией независимости Абхазии и Южной Осетии, демонстрируют, что это не совсем так. Вторая группа государств, по-видимому, стремится не к пересмотру содержания принципов права народов на самоопределение, а на эксплуатацию данных принципов в свете собственных политических интересов.

Согласно заявлению Президента России Владимира Владимировича Путина «прецедент Косова – это страшный прецедент. Он, по сути дела, взламывает всю систему международных отношений, сложившуюся даже не за десятилетия, а за столетия». Достаточно эмоционально, однако абсолютно верно Президент РФ охарактеризовал последствия Ко-

¹ Accordance with international law of the unilateral declaration of independence in respect of Kosovo, Advisory Opinion, ICJ, (2010) ICJ Rep 403, Declaration of Judge Simma.; Accordance with international law of the unilateral declaration of independence in respect of Kosovo, Advisory Opinion, ICJ, (2010) ICJ Rep 403, Separate Opinion of Judge Yusuf.; Accordance with international law of the unilateral declaration of independence in respect of Kosovo, Advisory Opinion, ICJ, (2010) ICJ Rep 403, Dissenting Opinion of Judge Koroma, Dissenting Opinion of Judge Bennouna.

² Accordance with international law of the unilateral declaration of independence in respect of Kosovo, Advisory Opinion, ICJ, (2010) ICJ Rep 403, Dissenting Opinion of Judge Skotnikov.

³ Строева А.С. Проблема признания Косова // Актуальные проблемы российского права. – 2011. – № 4 (21). – С. 275–276.

совского прецедента: «В конечном итоге это палка о двух концах, и вторая палка треснет их (тех, кто признал независимость Косова) по башке когда-нибудь»¹.

Вопрос фактической независимости Косова, однако, остается открытым.

Республика Южная Осетия и Республика Абхазия – два частично признанных государства, расположенные в Закавказье, на бывшей территории Грузии. Южная Осетия и Абхазия признаны несколькими государствами – членами ООН: Россией, Никарагуа, Венесуэлой, Науру, Сирией, Вануату и Тувалу (два последних государства впоследствии отозвали заявления о признании).

Право на самоопределение было осуществлено Южной Осетией в ходе вооруженного конфликта с Грузией посредством провозглашения независимости 29 мая 1992 г. Осуществление внутреннего самоопределения было на тот момент невозможно ввиду фактических военных действий правительственных войск против народа Южной Осетии.

Абхазия также осуществила право на внешнее самоопределение после завершения вооруженного конфликта с Грузией. 26 ноября 1994 г. Абхазия приняла конституцию, в которой закрепила свое право на самоопределение путем объявления себя суверенным государством и субъектом международного права. Осуществление Абхазией внутреннего самоопределения было также невозможно в обстоятельствах вооруженного конфликта.

До второй половины 2000-х гг. республики оставались непризнанными, пока в 2006 г. Южная Осетия и Абхазия не выступили с заявлением о взаимном признании независимости. После вторжения Грузии на территории двух республик в августе 2008 г. ситуация с их международным признанием серьезно изменилась: независимость Абхазии и Южной Осетии признала Российская Федерация. После признания независимости Абхазии и Южной Осетии со стороны России последовали заявления о признании со стороны других государств.

Несмотря на продолжительные нарушения прав абхазов и осетин со стороны правительства Грузии, два вооруженных конфликта и невозможность осуществления внутреннего самоопределения, большая часть международного сообщества (как и в случае с Приднестровьем) отрицает независимость Южной Осетии и Абхазии, исходя из собственных политических интересов и нежелания содействовать усилению России в регионе.

¹ Путин В.В.: «Независимость Косово повлечет непредсказуемые последствия». – РИА, 22 февраля 2008.

Касательно вопроса признания независимости Южной Осетии и Абхазии Президент России Д. А. Медведев заявил следующее: «Учитывая свободное волеизъявление осетинского и абхазского народов, руководствуясь положениями Устава ООН, декларацией 1970 года о принципах международного права, касающихся дружественных отношений между государствами, Хельсинкским Заключительным актом СБСЕ 1975 года, другими основополагающими международными документами, я подписал Указы о признании Российской Федерацией независимости Южной Осетии и независимости Абхазии». В заявлении Президента РФ были перечислены все основополагающие документы, содержащие толкование принципов права народов на самоопределение и территориальной целостности государств, более того, решение Президента РФ согласовывается с предшествующими событиями и корректной юридической интерпретацией рассматриваемых принципов.

В ответ на признание независимости Абхазии и Южной Осетии Грузия устами президента Саакашвили расторгла дипломатические отношения с Россией, обвинила РФ в военной аннексии и нарушении территориальной целостности Грузии¹.

Государственный секретарь США Кондолиза Райс описала признание республик Россией как «прискорбное» и призвала Россию соблюдать территориальную целостность Грузии и вывести сухопутные войска с ее территории².

Президент Украины В. А. Ющенко заявил, что решение России о признании Южной Осетии и Абхазии не поддерживает и что принцип неизменности границ должен оставаться незыблемым. Указ Президента России о признании независимости Абхазии и Южной Осетии в МИД Украины охарактеризовали как «грубое нарушение международного права»³.

Канцлер Германии Меркель также заявила, что признание Южной Осетии и Абхазии противоречит принципу территориальной целостности и является абсолютно неприемлемым⁴.

Как можно понять из заявлений западных лидеров и министерств иностранных дел, ни один из них не сослался на международно-правовые документы или иные источники, которые могли бы подтвердить

¹ Statement of the President Georgia Mikheil Saakashvili, 26 August 2008.

² Russia recognises Georgian rebels, BBC, 26 August 2008.

³ Заява МЗС України у зв'язку з визнанням Російською Федерацією незалежності Південної Осетії та Абхазії, 26 августа 2008 г.

⁴ Russland erkennt Südossetien und Abchasien an, Reuters, 26. August 2008.

обоснованность их позиций и их соответствие закреплённому в международном праве толкованию, а не сиюминутным политическим интересам.

До событий 2013–2014 гг. Автономная Республика Крым и город Севастополь являлись частью Украины. С распадом СССР в составе Украины фактически оказался регион, населённый преимущественно этническими русскими, часть из которых являлась также гражданами России. Население Крыма традиционно поддерживает политику России. Более того, Крым являлся зарубежной базой Черноморского флота России.

Вопрос об изменении статуса Крыма поднимался несколько раз в 1990-х гг., однако это не привело ни к достижению какого-либо результата, ни к обострению обстановки на полуострове. Россия рассматривала Крым как часть независимой Украины до 2014 г. и не предъявляла территориальных претензий или ультиматумов о передаче полуострова.

Прежде чем рассмотреть непосредственно обстоятельства присоединения полуострова к России, следует изучить предшествующие тому события, в частности действия властей Украины по отношению к этническим русским в Крыму, которые в итоге явились основной движущей силой самоопределения.

В 2013–2014 гг. на Украине прошли многомесячные антипрезидентские и антиправительственные акции (обозначаемые как Евромайдан или «революция достоинства»), завершившиеся в феврале 2014 года смещением В. Януковича с поста президента страны и его эвакуацией в Россию. Происходящие события воспринимались населением Крыма как государственный переворот, а сформированное правительство – как неконституционное и нелегитимное (действительно, процедура импичмента В. Януковича не была юридически проведена, и, согласно Конституции Украины, он продолжал исполнять обязанности президента, даже находясь в России).

После смещения Януковича Верховная рада Украины отменила закон об основах государственной языковой политики, что потенциально влекло изменение статуса русского языка на Украине. Одновременно с этим радикальные заявления активистов Евромайдана и украинских политиков вызвали активизацию русских общественных организаций. Большая часть этнически русских крымчан мобилизовалась против правительства Украины.

23–24 февраля 2014 г. крымчане осуществили смену исполнительных органов власти Севастополя¹. 27 февраля проукраинское правительство было отправлено в отставку Верховным Советом Автономной Республики Крым. Главой нового правительства Крыма был назначен Сергей Валерьевич Аксёнов, который выступил против признания нового руководства Украины². Далее С. В. Аксёнов от лица крымского народа обратился к Российской Федерации с просьбой о «содействии в обеспечении мира и спокойствия на территории Автономной Республики Крым»³. В тот же день парламент Крыма назначил референдум о расширении полномочий автономии⁴. Вышеназванные действия получили массовую поддержку подавляющего большинства населения Крыма.

Все объекты и воинские части Вооруженных Сил Украины на территории полуострова были блокированы военнослужащими ВС РФ, находящимися в Крыму и отрядами добровольцев (так называемые силы самообороны Крыма). Часть военнослужащих Украины перешла на сторону нового правительства Крыма.

16 марта 2014 г. в Крыму был проведен референдум о присоединении Крыма и Севастополя к России, который противоречил действующей Конституции Украины. Согласно общеизвестным результатам референдума 17 марта в одностороннем порядке была провозглашена независимая Республика Крым, которая 18 марта вошла в состав РФ согласно соответствующему международному договору⁵.

Необходимо также помнить, что референдум об отделении Украины от СССР проходил с нарушением Закона СССР «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР». Ст. 2 данного закона регламентировала, что отделение союзной республики могло проводиться лишь на основании результатов референдума, проведенного в ней. Хотя действительно на Украине в 1991 г. был проведен референдум, он не соответствует критериям, указанным в Законе СССР о порядке отделения. Бюллетень голосования 1991 г. ставил вопрос не

¹ Севастопольцы чуть не разгромили администрацию, но всё же добились обещания передать все дела Алексею Чалому. – Новости Севастополя, 24 февраля 2014 г.

² СБУ обнародовала видео захвата здания Верховного Совета Крыма. – 112.ua, 4 марта 2014 г.

³ Новый премьер Крыма Аксенов считает президентом Януковича. – Вести, 27 февраля 2014 г.; Обращение Председателя Совета министров АРК Сергея Аксенова. – Пресс-служба Верховного Совета АРК, 1 марта 2014 г.

⁴ Парламент Крыма назначил референдум об автономии. – Русская служба ВВС, 27 февраля 2014 г.

⁵ Договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов, 18 марта 2014 г.

о решении судьбы Украины как независимого государства, а фактически устанавливал независимость Украины уже свершившимся фактом. В бюллетене предлагалось поддержать или не поддержать независимость, но не высказаться «за независимость» или «против независимости». Факт нарушения Закона СССР о порядке отделения свидетельствует о нарушении тогдашним украинским правительством фундаментального принципа равенства правовых норм всех субъектов.

Согласно российскому законодательству, территория Крыма представляет собой субъекты РФ: Республику Крым и город федерального значения Севастополь. Украина считает Крым временно оккупированной территорией. Меджлис крымскотатарского народа поддержал новое правительство Украины и отказался признать легитимность общекрымского референдума.

Присоединение Крыма и Севастополя к России является примером классического варианта осуществления народом права на внешнее самоопределение в условиях невозможности внутреннего самоопределения ввиду действий властей государства. Так, смещение президента и правительства Украины при отсутствии конституционной процедуры может расцениваться как ситуация отсутствия официальных властей, при которой некому обеспечить для народа Крыма условия внутреннего самоопределения. Вместе с тем отмена закона о языковой политике и агрессивные высказывания украинских политиков и активистов представляли собой если не текущую дискриминацию крымчан по этническому и языковому признаку, то явную и непосредственную угрозу осуществления такой дискриминации, в особенности в отсутствие официальных властей. Крымчане в такой ситуации были лишены права на внутреннее самоопределение, ввиду чего были вынуждены осуществить право на внешнее самоопределение¹.

Конституция Украины действительно была нарушена в ходе проведения референдума о присоединении Крыма к России². Данное обстоятельство, однако, не является препятствием для осуществления права на внешнее самоопределение. Согласно международному обычаю, установленному также в Венской конвенции о праве международных договоров, международное право имеет приоритет над национальным правом³. Таким образом, осуществление права на самоопределение, суще-

¹ Паращевина Е.А., Карасева Е.М. Право наций на самоопределение на примере воссоединения Крыма и России // Инновационная наука. – 2016. – № 4-4. – С. 143–146.

² Конституция Украины, ст. 137.

³ Венская конвенция о праве международных договоров, 23 мая 1969 г., 1155 UNTS 331, ст. 26–27.

ствующего независимо, а также закрепленного в Уставе ООН, происходит не в силу национальной конституции, а в силу самой природы международного права как средства наднационального регулирования.

Официальная позиция МИД Российской Федерации состоит в том, что народ Крыма осуществил свободное и добровольное волеизъявление на общекрымском референдуме и на Крымском полуострове располагаются субъекты Российской Федерации¹. Российская сторона подкрепляет свою позицию положениями Устава ООН, Декларацией о принципах международного права и Косовским прецедентом. Представительство РФ при ЮНЕСКО отметило, что право крымского народа на самоопределение было осуществлено «в экстремальных условиях невозможности реализации права на самоопределение в рамках Украины, усугубившимся приходом к власти незаконных властей, которые не представляют весь украинский народ»². А. Я. Капустин в своей статье «*Crimea's Self-Determination in the Light of Contemporary International Law*» проводит подробный юридический анализ обстоятельств присоединения Крыма и также поддерживает вывод о допустимости осуществления права на внешнее самоопределение в указанном положении. Помимо прочего, Капустин отмечает, что укрепление крымской государственности и стремление Автономной Республики к независимости подавлялось еще в 1990-е гг. Так, правительство Украины объявило жителей Крыма гражданами Украины без их согласия в 1992 г. Автономной Республике Крым было также отказано в праве на землю и природные ресурсы; был отменен официальный статус крымско-татарского и русского языков в пользу единого национального языка – украинского. Развитие Крымского государства было насильственно прекращено центральной властью Украины без всякого намека на желание учитывать волю народа Крыма. Республика была лишена всех своих прав, кроме права называться Автономной Республикой [11, С. 101–118].

Украина не позволяла народу Крыма свободно определять свою волю посредством внутренних демократических процедур (плебисцит, референдум и т. д.). Исходя из декларации о дружественных отношениях 1970 года это может быть истолковано как лишение народа права на внутреннее самоопределение, а не как действия, направленные на

¹ Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с высказываниями МИД Украины по вопросу правового статуса ядерных объектов в новых субъектах Российской Федерации – Республике Крым и г. Севастополь, 16 августа 2014 г.; Комментарий МИД России в связи с ответной нотой Министерства иностранных дел России Министерству иностранных дел Украины, 18 августа 2015.

² Правовые обоснования позиции России по Крыму и Украине. – Постоянное представительство Российской Федерации при ЮНЕСКО, 7 ноября 2014 г.

поощрение, уважение этого права и содействие его осуществлению. Это незаконное принуждение препятствовало свободному осуществлению права на внутреннее самоопределение.

Так как статус Автономной Республики Крым в составе Украины к 2014 г. не изменился, данный аргумент может быть использован как альтернативный для доказательства действительного исчерпания возможностей внутреннего самоопределения крымчан.

Процесс сецессии Крыма, таким образом, прошел в соответствии с принципом права народов на самоопределение, истолкованным согласно Уставу ООН и Декларации о принципах международного права.

Провозглашение независимости Донецкой и Луганской народных республик 12 мая 2014 года стало лишь следствием проводимой Киевом политики притеснения и дискриминации. Вооруженная борьба за права и свободы продолжалась долгих 8 лет. За это время условий для возможности внутреннего самоопределения украинской стороной предложено не было. Более того, все соглашения, в том числе Минские¹, украинской стороной были сознательно проигнорированы и нарушены. 21 февраля 2022 года Российская Федерация официально признала суверенитет Донецкой и Луганской народных республик. Между Россией, Донецкой Народной Республикой и Луганской Народной Республикой был заключен Договор о дружбе и сотрудничестве².

С 23 сентября года по 27 сентября 2022 года в ДНР и ЛНР, Херсонской и Запорожской областях прошли референдумы о вхождении республик в состав Российской Федерации. Подавляющее большинство голосов в регионах было отдано за вхождение в состав Российской Федерации. 29 сентября президентом России В. В. Путиным был подписан указ о признании независимости Херсонской и Запорожской областей, а 4 октября все четыре субъекта были приняты в состав РФ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги событий в Косове, Крыму, ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областях, а также проанализировав позиции заинтересованных государств, можно отметить следующее.

¹ Минск 1, 5 сентября 2014 г.; Минск 2, 11–12 февраля 2015 г.

² Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Донецкой Народной Республикой от 21 февраля 2022 г. (ратифицирован Федеральным законом от 22 февраля 2022 г. № 15-ФЗ, вступил в силу 25 февраля 2022 г.); Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Луганской Народной Республикой от 21 февраля 2022 г. (ратифицирован Федеральным законом от 22 февраля 2022 г. № 16-ФЗ, вступил в силу 25 февраля 2022 г.).

Косовский прецедент был первой ситуацией в применении принципов права народов на самоопределение и территориальной целостности государств, когда западные страны приняли нетипичную для них позицию отрицания территориальной целостности государства (Сербии) и поддержки права народов на самоопределение. Устойчивое непризнание и игнорирование деклараций независимости Приднестровья, Южной Осетии и Абхазии со стороны западных стран подтверждает это. В ситуации с Косовом западные страны создали прецедент, обнаживший их противоречащую международному праву политику, допускающую вольную политическую интерпретацию международных принципов права народов на самоопределение и территориальную целостность государств. Они показали, что готовы отступить от предсказуемых и юридически корректных толкований рассматриваемых принципов под влиянием текущей политической необходимости.

Если до провозглашения независимости Косова Российская Федерация избегала признания главенства того или иного принципа, то после Косовского прецедента Россия заняла более жесткую позицию в отношении защиты права народов на самоопределение, что подтверждает признание Абхазии и Южной Осетии и присоединение Крыма, ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областей.

Для России и всей прогрессивной части человечества было бы выгодно, чтобы были закреплены более четкие критерии признания народов, борющихся за самоопределение. Текущие формулировки принципов права народов на самоопределение и территориальной целостности образуют пространство неопределенности, которое создаёт условия для развертывания односторонней политики. Вольная трактовка принципов международного права отдельными государствами порождает факты нарушения норм международного права, что влияет на всю систему международных отношений в целом.

Косовский прецедент также продемонстрировал игнорирование странами Запада норм международного права.

Западные страны избрали путь поддержки права народов на самоопределения в условиях, когда право на внутреннее самоопределение не было полностью исчерпано и действительных юридических оснований осуществления права на внешнее самоопределение Косова не существовало. Некорректность сформулированной правовой позиции стран Запада по Косову не только подорвала их авторитет, но и породила прецедент самоопределения народов сообразно политическим интересам отдельных субъектов мировой политики.

Крымский прецедент и присоединение Донецкой и Луганской республик, Херсонской и Запорожской областей являются не только следствием Косовского прецедента, но и примером ситуации так называемого чистого самоопределения, когда юридические основания для осуществления права народов на внешнее самоопределение были однозначными.

Библиография / References:

1. Галинский И. Н., Мачуга В. В. Молдово-приднестровский конфликт: особенности развития в начале XXI в. // Вестник Московского государственного областного университета. — 2018. — № 2. — С. 49—56.
2. Галинский Я. О. Национальная идея как детерминант самоопределения и консолидации приднестровского народа // Власть. — 2019. — № 2. — С. 136—142.
3. Галинский Я. О. Политический статус Приднестровской Молдавской Республики и ее политических институтов // Власть. — 2018. — № 2. — С. 124—129.
4. Иванов О. Б. Приднестровский конфликт: современное состояние и пути решения // Мировая политика. — 2018. — № 1. — С. 1—12.
5. Кусайкина М. В., Чертакова А. И. Реализация принципа равноправия и самоопределения народов: непризнанные и частично признанные государства // Теория права и межгосударственных отношений. — 2018. — № 1 (7). — С. 40—45.
6. Никанорова М. И. История развития принципов территориальной целостности и признания права народов на самоопределение // Научный альманах. — Тамбов: ООО «Консалтинговая компания «Юком», 2018. — С. 102—105.
7. Паращевина Е. А., Карасева Е. М. Право наций на самоопределение на примере воссоединения Крыма и России // Инновационная наука. — 2016. — № 4-4. — С. 143—146.
8. Строева А. С. Проблема признания Косова // Актуальные проблемы российского права. — 2011. — № 4 (21). — С. 275—276.
9. Хасанов А. А. Соотношение и взаимодействие принципов самоопределения народов и территориальной целостности государств // Журнал российского права. — 2017. — № 10 (250). — С. 133—142.
10. Joffe Paul Self-determination and territorial integrity // Un declaration on the rights of indigenous peoples. 2020. 1—12 p.

11. Kapustin, A. Y. (2015) Crimea's Self-Determination in the Light of Contemporary International Law // Max-Planck-Institut für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht ZaöRV. –№ 75. –P. 101—118.

12. Simon, H. (1997) Administrative Behavior: A Study of Decision-Making Process in Administrative Organizations. N. Y. –P. 84.

1. Galinskij, I. N., Machuga, V. V. (2018) Moldovo-pridnestrovskij konflikt: osobennosti razvitiya v nachale XXI v. [Moldovo-Pridnestrovian conflict: features of development at the beginning of the XXI century] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta [Bulletin of the Moscow State Regional University]. –№ 2. –P. 49—56. (In Russ.)

2. Galinskij, YA. O. (2019) Nacional'naya ideya kak determinant samoopredeleniya i konsolidacii pridnestrovskogo naroda [National idea as a determinant of self-determination and consolidation of the Pridnestrovian people] // Vlast' [Power]. № 2. –P. 136—142. (In Russ.)

3. Galinskij, YA. O. (2018) Politicheskij status Pridnestrovskoj Moldavskoj Respubliki i ee politicheskij institutov [The political status of the Pridnestrovian Moldavian Republic and its political institutions] // Vlast' [Power]. –№ 2. –P. 124—129. (In Russ.)

4. Ivanov, O. B. (2018) Pridnestrovskij konflikt: sovremennoe sostoyanie i puti resheniya [Pridnestrovian conflict: the current state and ways of solution] // Mirovaya politika [World Politics]. № 1. P. 1—12. (In Russ.)

5. Kusajkina, M. V., Chertakova, A. I. (2018) Realizaciya principa ravnopraviya i samoopredeleniya narodov: nepriznannye i chastichno priznannye gosudarstva [Implementation of the principle of equality and self-determination of peoples: unrecognized and partially recognized States] // Teoriya prava i mezhdunarodnyh otnoshenij [Theory of law and interstate relations]. –№ 1 (7). –p. 40—45. (In Russ.)

6. Nikanorova, M. I. (2018) Istoriya razvitiya principov territorial'noj celostnosti i priznaniya prava narodov na samoopredelenie [History of the development of the principles of territorial integrity and recognition of the right of peoples to self-determination] // Nauchnyj al'manah [Scientific Almanac]. Tambov: OOO «Konsaltingovaya kompaniya «YUkom» [Tambov: LLC "Consulting Company "Yukom"]. P. 102—105. (In Russ.)

7. Parashchevina, E. A., Karaseva, E. M. (2016) Pravo nacij na samoopredelenie na primere vossoedineniya Kryma i Rossii [The right of nations to self-determination on the example of the reunification of Crimea and Russia] // Innovacionnaya nauka [Innovation nauka]. № 4-4. –P. 143—146. (In Russ.)

8. Stroeва, A. S. (2011) Problema priznaniya Kosova [The problem of recognition of Kosovo] // Aktual'nye problemy rossijskogo prava [Current problems of Russian law]. –№ 4 (21). –P. 275—276. (In Russ.)

9. Hasanov, A. A. (2017) Sootnoshenie i vzaimodejstvie principov samopredeleniya narodov i territorial'noj celostnosti gosudarstv [Correlation and interaction of the principles of self-determination of peoples and territorial integrity of states] // Zhurnal rossijskogo prava [Journal of Russian Law]. –№ 10 (250). –P. 133—142. (In Russ.)